

A close-up portrait of a man with dark, messy hair and a light beard. He is wearing a mask that covers the left side of his face, which is heavily stained with blood. His right eye is a striking blue and looks directly at the viewer. The background is dark with out-of-focus red lights, creating a horror atmosphere.

ОЛИВИЯ НОРТВУД

18+

МЕРТВЫЕ КУКЛЫ

КРОВАВЫЙ СПЕКТАКЛЬ УЖЕ НАЧАЛСЯ

Оливия Нортвуд

Мертвые куклы

Серия «Игры профайлера»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74634571
ISBN 978-5-04-255917-4

Аннотация

В детстве он любил кукол.

Они никогда не смеялись над ним, не били его и не отворачивались, когда ему была нужна помощь.

Спустя годы кто-то начинает оставлять по всему штату человеческих марионеток – тела, сшитые из разных людей и выставленные напоказ как декорации странного спектакля. Каждая новая находка заставляет детективов Грейс Келлер и Джеймса Нортвуда задаваться одним и тем же вопросом: какую историю пытается рассказать убийца?

Ответ скрывается в прошлом маленького городка Монро, где когда-то жили люди, ставшие актерами этой кровавой постановки.

Пока детективы пытаются разобраться в прошлом, убийца приближается к финальному акту своего спектакля.

В его мире каждой кукле уже давно назначена роль.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	11
Глава третья	20
Глава четвертая	29
Глава пятая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Оливия Нортвуд

Мертвые куклы

*«Что, как не боль, обостряет наше ощущение
самости?»¹*

«Тайная история» Донна Тартт

Глава первая

Полгода назад Питер Линден купил недостроенный мотель недалеко от крошечного города Дюваль в округе Кинг почти за бесценок. Риелтор уверял Линдена, что это замечательное приобретение, и у мотеля хороший коммерческий потенциал. Через Дюваль проходило сразу несколько пеших туристических маршрутов. Для путешественников, направляющихся в горы, с гигантскими рюкзаками за спиной и со стертыми в кровь ногами, город был последней точкой на карте перед бесконечными, извилистыми тропами заповедников и национальных парков. Местом, где они могли переночевать, пополнить запасы еды и воды, принять душ и проститься с цивилизацией на долгие недели.

Коммерческий потенциал мотеля с таким расположением не заметил бы только слепой. Питер все еще сомневался, что риелтор действительно стоил потраченных на его услуги денег, и надеялся, что с мотелем все в порядке, а единственная

причина, по которой его так и не достроили, – скоропостижная смерть предыдущего хозяина. По крайней мере, в этом его убеждал риелтор. Компания, с которой он сотрудничал, приобрела мотель на аукционе, так как у владельца не оказалось наследников.

В последний раз Питер был здесь около полугода назад, когда осматривал свои будущие владения, поэтому в дороге у него возникли проблемы. Навигатор не работал почти на всем протяжении 203 шоссе, и несколько раз, пропуская знаки и указатели, мужчина сворачивал не туда. До Дюваля Питер добрался ближе к сумеркам. Темный летний вечер покрывал ветровое стекло крупными каплями дождя. Мельтешащие движения дворников перед глазами отвлекали от дороги. Медленно проезжая сквозь город, Питер смотрел по сторонам. Одноэтажная провинция с ее неповторимой романтикой была ему по душе куда больше мегаполисов, но значительную часть жизни он провел в Сиэтле. Пятнадцать лет назад он развелся с женой и так ни с кем не сошелся. Линден работал в «Амазон» практически со дня основания компании, когда они еще позиционировали себя интернет-магазином по продаже книг, получил несколько повышений, обеспечил детям поступление в хорошие университеты и уволился, решив осуществить давнюю, по-детски наивную мечту о собственном мотеле. Питер был готов вложиться в дело и превратить приземистые бетонные коробки без окон и дверей, разбросанные по обширной территории, в

настоящий рай для путешественников: ортопедические матрасы в номерах, горячая вода без ограничений, зона отдыха с бассейном и баром, дайнер с вкусной, традиционной едой, удобная, охраняемая парковка. Питер строил планы. Когда он закрывал глаза, то видел неоновую вывеску с абстрактным названием и теплый свет, льющийся из окон номеров, которые в его мечтах никогда не пустовали.

Не самое удачное время для прогулки по заброшенной стройке, но он решил, что взглянет одним глазком, а переночует в городе у своих будущих конкурентов, как раз выдастся шанс изучить уровень сервиса на себе.

Проезжая по мосту через реку Сноквалми, Питер сосредоточился и выпрямился, схватившись за руль обеими руками, как новичок. Узкий мост с низким ограждением выглядел ненадежным даже для его европейского седана, а колея, продавленная большегрузами, во время ливня и вовсе могла быть опасной.

Территория будущего мотеля не освещалась. Питер припарковался на обочине и, выйдя из машины, первым делом раскрыл зонт и включил фонарик на телефоне. Внезапно мужчина почувствовал себя городским придурком. Если он собирался стать владельцем мотеля в глуши и активно принимать участие в отделке и благоустройстве территории, ему стоило сменить седан на внедорожник, разжиться ящиком с инструментами и купить дешевой одежды в «Уолмарт». Когда Питер вышел из машины и прошелся по направлению

к стройке, туфли из тонкой кожи тут же утонули в грязи, а штанины кашемировых брюк намокли снизу.

На всей территории стояли самодельные строительные леса, стропила кое-где обвалились из-за прошедшего урагана, который едва задел Вашингтон в прошлом месяце, хотя конструкции выглядели надежными. Работы предстояло много. Еще больше потребуется денежных вложений. Питер был готов ко всему, или ему так казалось. Иногда, после увольнения, в голову закрадывались мысли о том, что он совершил ошибку. В шестьдесят лет все его знакомые в основном наслаждались отдыхом и накопленными благами. Он мог бы заниматься тем же: звать соседей и друзей на барбекю, больше времени проводить с детьми, ждать внуков и, может быть, сойтись с кем-то. Но ему надоело сидеть на месте.

Подсвечивая себе путь фонариком, мужчина ходил от одного строения к другому и воображал, каким здесь все станет, после того, как он приложит усилия.

Напоследок Питер оставил административное здание, место, где он планировал устроить лаундж зону с мини-библиотекой, ненавязчивой музыкой и кофемашиной, где гости смогут самостоятельно и бесплатно приготовить себе напиток. Войдя внутрь, мужчина поморщился: в нос ударил отвратительный запах затхлости, пыли и строительных материалов, который он запомнил с прошлого приезда. Теперь к нему примешивался сладковатый дух влажного гниения, словно в корпус пробралось и погибло животное. «А если

это проделки местных?» — неожиданно подумал Питер. Он знал, что в маленьких городах люди не жаловали новичков. «Кто-то из конкурентов прознал, что мотель выкупил чужак, и решил подгадить». Линден осторожно ступал по черновой стяжке и внимательно смотрел себе под ноги, чтобы не наткнуться случайно на источник запаха.

Каждое лето до окончания школы Питер проводил на ранчо у бабушки с дедушкой в Колорадо. Однажды, напуганная койотом корова угодила в глубокий скалистый овраг. Достать ее возможности не было, хотя дед и пытался, сокрушаясь, сколько пропадет мяса, поэтому туша медленно разлагалась в яме, пока от нее не остался скелет, обтянутый разорванной койотами кожей. Вместе с соседскими мальчишками из идиотского подросткового любопытства Питер время от времени бегал к яме и рассматривал труп животного, несмотря на дедовский запрет и опасность встретить падальщиков. Запах тогда стоял примерно такой же. Но не мог же кто-то приволочь сюда и оставить коровью тушу?

Нет, не мог.

То, что он увидел, не было животным. Сначала он решил, что это чей-то глупый розыгрыш: на строительных лесах, подвязанная канатом за шею, торс и запястья, висела ростовая хэллоуинская кукла или ужасающий манекен. Место, где Питер собирался поставить стойку ресепшн, выглядело, как декорация из дешевых фильмов ужасов, в которых обычно без остановки галлонами льется кровь, и где-то на перифе-

рии всегда слышен звук включенной бензопилы.

Мужчина выронил подошел ближе. Осознание, что перед ним человек, пришло не сразу. Питер вскрикнул от неожиданности и отступил назад, когда кожа на левой голени, пришитой к бедру толстой нитью, порвалась и часть ноги рухнула на пол с неприятным глухим звуком. Какое-то время Питер не отрываясь, как замороженный смотрел на тело, подвешенное на лесу. Руки у него мелко тряслись, свет фонаря дрожал, но разглядеть детали Питеру все же удалось: молодой парень, возможно, вчерашний школьник, облаченный в атласные тряпки. Швы на шее, на сгибах локтей, на запястьях, ступнях и коленях придавали ему сходство с куклой-марионеткой, с самой жуткой декорацией из всех, что Питер видел за свою долгую жизнь. Но серовато-желтая кожа с липким на вид налетом могла принадлежать только человеку. Как и всклокоченные каштановые волосы, и распахнутые глаза, подернутые светло-желтой пеленой. К руке парня колючей проволокой была примотана простая деревянная бейсбольная бита.

Все происходило слишком быстро. Взгляд Питера метался по телу и лицу парня каких-то секунд десять, прежде чем его замутило. Внутренности загорелись и сжались в ноющий комок, а затем его стошнило на пол. В груди закололо, сердце словно увеличилось в несколько раз, и теперь ему не хватало прежнего места. Колени подкосились, ноги стали ватными. Борясь с очередным рвотным позывом, Питер, не разбирая

дороги, ринулся к выходу. Помещение с наполовину сорванной крышей вдруг увеличилось – обратный путь показался бесконечным. Несколько раз он спотыкался о доски и строительный мусор, разбросанный по полу, но каким-то чудом ему удалось выбраться на улицу без травм.

Чуть не плача от облегчения, Питер расстегнул несколько верхних пуговиц на забрызганной рвотой рубашке, и побежал к машине.

Земля под ногами неприятно хлюпала, ноги вязли в грязи. Мир вокруг перестал казаться реальным. Свет фонарей, освещавших дорогу, двоился в глазах, движения замедлились, голоса ночных птиц и шум реки долетали до него словно сквозь слой ваты.

Прислонившись к мокрому капоту машины, едва не повалившись на него из-за слабости в ногах, Питер набрал на телефоне три цифры.

– 911, что у вас случилось?..

Голос оператора позволил заземлиться, осознать, что произошло – не ночной кошмар. Питер в свои шестьдесят плакал, как мальчишка, пытаясь объяснить девушке на том конце, что произошло и где он находится.

Глава вторая

Жаркое августовское солнце прилипло к плечам Грейс красноватым загаром. Кожа горела и слегка побаливала, а ткань выцветшего хлопкового платья казалась жесткой, колючей. Несколько дней, проведенных на заднем дворе родительского дома в Спокане, щедро усыпали ее скулы и переносицу веснушками.

Лето выдалось неважным. Почти весь июль сержант Келлер и детектив Нортвуд провели в своем кабинете в офисе полиции Сиэтла. Изнывая от невыносимой жары, с которой не справлялась сплит-система, они разбирались с документами и отчетами по делу «Вашингтонских псов»², чтобы окончательно передать его в руки ФБР. Лейтенант Маккуин не отвлекал их, напарникам не пришлось заниматься полевой работой, расследуя бытовые убийства, и Грейс была ему благодарна. Конечно, как сержант, она была в курсе всего, что происходило в отделе убийств, но федеральные агенты, принимавшие дело, требовали от нее такой включенности в процесс, что времени почти ни на что не оставалось.

После небольшой вечеринки по случаю ее нового назначения, Джеймс каким-то образом оказался в ее квартире. Грейс откровенно перебрала с «Маргаритой». Она почти не

² Об этом расследовании в книге «Крик в темноте» Оливии Нортвуд.

ела в тот день от волнения, поэтому несколько порций коктейля, эйфория и усталость после напряженной работы практически свалили ее с ног.

Поднявшись на дребезжащем лифте в ее небольшую студию среди ночи, они выпили кофе, съели по два огромных гирос из греческой забегаловки на углу дома и легли в постель. Келлер и Нортвуд почти не говорили друг с другом, изредка, переставая жевать, они обменивались взглядами и тут же отводили их. Откровенность, с какой Джеймс говорил с ней после похорон Алана Траска, мгновенно разрушила все условные границы и стены между ними. Грейс казалось, им больше незачем и не о чем сегодня говорить, казалось, что они оба знали, чем закончится ночь, но все было иначе. Оказавшись в объятиях Джеймса, Грейс уронила голову ему на грудь и расплакалась. От усталости, нахлынувших чувств, алкоголя, осознания, что впервые после Калеба она заснет не одна. Сосредоточившись на его руках, которыми Джеймс прижимал ее к себе, на его голосе, пока он шептал что-то бессвязное, напоминающее мантру, она провалилась в сон и проспала до следующего вечера. Проснувшись, Грейс нашла Джеймса на кухне: он жарил французские тосты с корицей и варил кофе.

Их отношения начались с оглушающей страсти в ту ночь в отеле, и теперь эта странная взрослая нежность, словно они уже десять лет в браке, слегка пугала Грейс. Ей пришлось признать свои страхи необоснованными, когда Джеймс, не

дождавшись, пока она допьет кофе, одним уверенным движением руки убрал все лишнее в сторону только для того, чтобы усадить ее на столешницу и заняться любовью.

Затем Келлер поняла, что Джеймс Нортвуд – не тот мужчина, от которого в животе трепещут бабочки. У него не было цели посадить ее на эмоциональные качели и заставить гадать, каким будет его следующий шаг. Джеймс был стабильным, заботливым, последовательным, надежным. Тем мужчиной, с которым она могла чувствовать себя в безопасности во всем.

Джеймс остался на ночь снова, когда на следующий день подвез ее домой с работы. Потом в ванной появилась его зубная щетка, и он выбросил одноразовую, купленную в круглосуточном супермаркете после вечеринки. Следом Грейс освободила несколько вешалок и полку в шкафу для его одежды, а когда пришло время обновить договор аренды на квартиру, Джеймс сам внес всю сумму.

Келлер и Нортвуд стали жить вместе, даже ничего не обсудив, но обоим это вполне устраивало. Совместный отпуск стал следующим этапом их отношений. Они объездили на «Рендж Ровере» Джеймса ближайшие штаты. Провели несколько дней в лесном отеле на берегу озера Тахо, ночевали на семейном ранчо в Монтане, где Грейс впервые села на лошадь и даже сносно научилась держаться в седле, а затем вернулись в Вашингтон, в Спокан, потому что Келлер хотелось провести время с родителями.

Грейс повесила использованное посудное полотенце на край кухонной раковины, оперлась ладонями на столешницу и взглянула в открытое окно над ней. Ухоженный газон и мамин цветочный сад плавно перетекал в буйный лес Национального Заповедника Иллер Крик. У кромки леса стоял мощный старый дуб. В его ветвях Дэниэл Келлер много лет назад построил домик для Грейс. Снаружи смеркалось. Небо быстро меняло оттенки: из нежно-персикового оно становилось чернильно-синим, бездонным, высоким. Зажигались первые звезды.

В теплом свете уличных фонарей Грейс видела отца: он стоял на подъездной дорожке, уперев руки в бока, хмурился и что-то говорил, и Джеймса, склонившегося над капотом «Рендж Ровера». Грейс предлагала заехать в автосервис, чтобы поменять масло, но Дэни Келлер заявил, что они сами справятся. Его участие заключалось в том, чтобы давать советы, но Джеймс не жаловался. Знакомя его с родителями, Грейс даже не волновалась. Она была уверена, что он им понравится.

На кухне появилась мама с охапкой срезанных цветов в руках. Она принесла с собой запах свежескошенной травы и садовых роз. Кэролайн пристроила цветы в вазу, повязала фартук поверх тонкого летнего сарафана и поставила кастрюлю с водой на плиту. Они собирались приготовить пасту на ужин.

– У тебя счастливый вид. – Кэролайн подошла к дочери

сзади и погладила по волосам. Грейс обернулась к матери и ответила улыбкой. – Надеюсь, твой отец не слишком занудствует. Я пыталась заманить их в дом холодным пивом с долькой лайма, но Дэни сказал, что они уже почти закончили. Не то, чтобы он помогает Джеймсу чем-то кроме разговоров, скабрзных шуток и баек старого копа в отставке.

– Перестань, мам, скабрзные шуточки и полуправдивые байки – его язык любви. Так было всегда, – Грейс рассмеялась, опустила пасту в кипящую воду и бросила на сковородку кусок сливочного масла, чеснок и горсть шпината.

Отец был смешливым, понятным, открытым, верил в нее и понимал так, как никто другой. С ним не нужно было контролировать эмоции так же жестко, как все остальное время, как она это делала, общаясь с матерью. С ней она сохраняла какую-то часть внешней невозмутимости и вымученного спокойствия, чтобы не расстраивать.

Грейс смотрела на мать в ее просторном шелковом домашнем платье палевого желтого цвета и любовалась светлыми, густыми, уложенными в крупные локоны, волосами. Ей всегда удавалось выглядеть потрясающе. Грейс стало неловко за свой неаккуратный пучок на затылке.

Родительский дом был отражением Кэролайн: ухоженным, красивым, уютным. На плите готовилась еда, в распахнутое окно крался легкий ветерок. На подоконнике – кремовые розы, собранные в саду, на стенах – картины, написанные маслом. Кэролайн была нежностью. Она краснела, ко-

гда за обеденным столом ее муж рассказывал пошлые шутки или когда его юмор приобретал черный оттенок. Ее было страшно ранить.

Из размышлений Грейс выдернула вибрация телефона. Она успела забыть о нем, забыть о бесконечных, раздражающих звонках, о письмах, приходящих на почту в любое время, об отчетах криминалистов и судмедэкспертов. Во время отпуска она использовала телефон только для личных целей: делала фотографии, изредка листала ленту в социальных сетях, переписывалась с сестрой и Ханной. Ее галерея пополнилась яркими снимками, сместив фотографии останков Кита Гроссмана, найденного в сгоревшей машине ее коллегами из Аризоны в прошлом месяце.

Зазвонивший внезапно мобильник заставил ее вздрогнуть. Сердце словно провалилось в черную дыру и затрепетало в невесомости. Дыхание участилось, ладони покрылись холодной, липкой влагой. На дисплее высветилось имя: Майкл Маккуин. Лейтенант обещал не беспокоить ее без крайней необходимости. В их отношениях этот звонок мог значить только одно: случилось нечто такое, что привело Маккуина в ужас.

Грейс раздумывала несколько секунд, прежде чем принять вызов. Гипнотизируя дисплей телефона взглядом, она надеялась, что тот перестанет звонить, что Маккуин набрал ее номер по нелепой случайности, и, если достаточно долго его игнорировать, лейтенант переключится на кого-то еще.

Не сработало.

Не двигаясь с места, словно ее обувь приклеилась к полу, Грейс ответила на звонок и поднесла телефон к уху.

– Лейтенант?

– Здравствуй, Келлер. Знаю, что у тебя отпуск, и я обещал не беспокоить... – голос у Маккуина был усталым и звучал глухо, бесцветно. Он говорил медленно, будто у слов был реальный вес, с которым он едва справлялся.

– Но, – с нервной улыбкой на губах произнесла Грейс.

– Но, – повторил он и затих на мгновение. – Ты мне нужна. Дюваль, округ Кинг. Питер Линден, мужчина шестидесяти лет, недавно приобрел недостроенный мотель и решил справиться, в каком тот состоянии. Глушь, неохраняемая территория, на пару миль вокруг ни души. И знаешь, что он там нашел? Куклу. Вроде как марионетку.

– Куклу? – переспросила Грейс, слегка повысив голос. Снаружи Джеймс, услышав ее, распрямился и стал вытирать тряпкой руки, вымазанные отработанным маслом. – При всем уважении, сэр, что, по-вашему, должно было заинтересовать меня?

– То, что кукла эта сшита из человеческого тела.

– Черт, – Келлер выдохнула, зажмурилась на секунду и закусила губу. Когда она открыла глаза, Джеймс подошел к открытому окну и, вскинув подбородок, без слов спросил: «Что происходит?».

– Сержант Келлер, я хочу, чтобы ты и Нортвуд взяли это

дело, – Маккуин протяжно и шумно выдохнул – Грейс поняла, что он курил. – Что скажешь?

– Да, – она ответила почти не колеблясь.

– Где ты сейчас?

– В Вашингтоне, в Спокане.

– А... Нортвуд? – Маккуин обладал исключительной проницательностью и задал этот вопрос неспроста. Пусть они и не афишировали в участке свои отношения, лейтенант обо всем догадывался.

– Со мной.

– Отлично, – он беззлобно усмехнулся. – Скину тебе координаты сообщением. Выезжайте немедленно.

Когда Грейс нажала на отбой и положила телефон на столешницу рядом с мойкой, Джеймс уже смотрел на нее с мрачной решимостью.

– Это Маккуин, – просто сказала она и покачала головой.

Джеймс, бросив грязную ткань на ящик с инструментами, ринулся в дом. Из коридора послышались его шаги.

– Я в душ, соберешь вещи? – Он подошел к ней и коротко поцеловал в губы.

Келлер слабо кивнула и провела ладонью по лицу.

– Иди.

– Люблю тебя, – между делом бросил Джеймс, а Грейс вздрогнула – она еще не привыкла, что эти слова теперь так легко слетали с его губ.

– Может, хотя бы поужинаете. Уже ведь почти все гото-

во, – Кэролайн стояла посреди комнаты, комкая в руках подол фартука. Она выглядела расстроенной и растерянной. Ее слов Джеймс уже не слышал. Он, перепрыгивая через две ступеньки, поднялся на второй этаж и заперся в ванной, хлопнув дверью чуть громче, чем следовало.

– Прости, мам, – Грейс опустила ладони на плечи матери и поцеловала в щеку, испытав неловкость, словно внезапно обнаружила, что она выросла и теперь они с мамой поменялись местами. – Нужно ехать.

Глава третья

Одежда, предназначенная для отпуска, не подходила для работы на месте преступления. Ночи в этой части штата, вблизи океана, всегда становились по-осеннему промозглыми уже в середине августа. До Дюваля Келлер и Нортвуд добрались после полуночи. Грейс надела хлопковую рубашку, укороченные голубые джинсы и нашла на чердаке у родителей свои старые походные ботинки – вся обувь в ее чемодане была открытой. Ее слегка трясло от холода или от волнения, пока они с Джеймсом шли по освещенной прожекторами гравийной дороге. Яркий свет резал глаза после комфортного полумрака в салоне автомобиля.

Когда молодой офицер с испуганным круглым лицом и приличным брюшком, нависающим над поясом брюк, придержал оградительную ленту, Грейс показала удостоверение и, согнувшись вдвое, полезла под ней.

Криминалисты проложили проход к мотелю брезентом. Размякшая из-за ливня земля противно хлюпала и скользила под ним. Территорию осматривали полицейские из местного управления, кинологи с собаками и специалисты из криминалистической лаборатории в белых комбинезонах-скафандрах, испачканных почти до колен. У входа в самое большое помещение стоял еще один офицер, он пропустил Келлер и Нортвуда без проверки документов, что слегка смути-

ло Грейс. Она знала, что в маленьких городах полицейские не обладали щепетильностью, но убеждаться в этом на собственном опыте всегда было неприятно.

Недостроенное помещение, тонущее в ярком, холодном свете встретило их острым запахом разложения: тяжелая, настойчивая вонь гниющей под дождем плоти, пары строительных материалов и разбухшей древесины.

Каждый раз, когда Грейс думала: «все, меня уже вряд ли что-то удивит», случалось нечто настолько шокирующее, чего Келлер не могла принять. Словно она существовала на одной планете, а тот, кто убивал и делал кукол-марионеток из людей – на другой. Их орбиты никогда не должны были пересекаться, но время от времени это случалось и всегда приводило к катастрофе.

На строительных лесах и стропилах перетянутое тонкими джутовыми канатами висело тело парня в аляповатом костюме, будто снятом с ростовой куклы из спектакля «Панч и Джуди».³ Не хватало только дурацкого красного колпака с кисточкой на конце. Убийца сделал из парня подобие шарнирной куклы, расчленив тело по суставам и затем небрежно сшив кожу. На участках, не прикрытых тканью костюма, на фоне бледной кожи хорошо виднелись швы. Истончившаяся, лишенная эластичности кожа, не выдержав веса отделенной конечности, порвалась, и теперь одна из голеней лежа-

³ Панч и Джуди – традиционный уличный кукольный театр, возникший первоначально в Италии в XVII веке.

ла на бетонном полу. Возле нее сидела эксперт судебной медицины. Грейс сразу поняла, что доктор – женщина: тонкая фигура под защитным комбинезоном, манера держаться, волосы, собранные в объемный пучок под капюшоном.

Не успев отойти от первого сильного шока, Келлер сглотнула и сделала шаг вперед.

– Не стоит идти дальше без костюма и бахил, – не оборачиваясь, сказала доктор, дав понять, что сейчас они на ее территории, а потом поднялась на ноги, сдвинула маску на подбородок и улыбнулась. – Доктор Мэри Кавана, криминалистическая лаборатория Сиэтла. Я бы пожала вам руку, но... – она многозначительно взглянула на свои перчатки, вымазанные чем-то отдаленно напоминавшим густую темную кровь, и сконфуженно пожала плечами.

Грейс знала, что доктор Скотт Хэмптон, с которым она привыкла работать, проходил стажировку в Вашингтоне Дисси, работая с судмедэкспертами из ФБР над делом «Вашингтонских псов», но, не встретив его на месте преступления, все равно очень расстроилась.

– Де... – Еще не привыкшая к новому званию, Грейс покачала головой. – Сержант Грейс Келлер, – сказала она, надевая одноразовый костюм. – И мой напарник, детектив Джеймс Нортвуд.

Фотограф-криминалист делал снимки тела, от яркой вспышки хотелось зажмуриться, но глаза постепенно привыкали. Возле жертвы сустились ассистенты-ординаторы док-

тора Кавана, собирая улики в пластиковые контейнеры. Грейс не видела ни одного знакомого лица, пока наконец не наткнулась на профиль Арчи Моргана. Он был занят, раздавал указания подчиненным, Келлер не стала его отвлекать, но от звука его голоса стало немного спокойнее. Работать в команде, полностью состоящей из незнакомцев, ей не хотелось. Особенно, когда от преступления за милю несло хорошо спланированным безумием.

– Что можете сказать предварительно, доктор Кавана? – голос Джеймса, низкий и тягучий, как карамель, вернул Грейс ощущение безопасности. Она успела забыть, что он стоял за ее спиной и так же мучительно принимал все, что было перед глазами. Джеймс не чувствовал себя провинившимся школьником, не робел перед холодной улыбкой и темным, тяжелым взглядом доктора Кавана, в отличие от нее самой. Он выглядел слегка дезориентированным, мрачным, но не напуганным. Казалось, он смирился с тем, что увидит, еще в машине на подъезде в Дюваль, когда лейтенант Маккуин перезвонил, сообщив, что криминалисты и судмедэксперт уже прибыли на место, и даже успел поделиться подробностями.

– Неизвестный – молодой мужчина, на вид не больше двадцати лет. Смерть наступила в результате обширной кровопотери не раньше сорока восьми часов назад. Сложно определить какую из артерий повредил убийца, пока самый очевидный вариант – сонная. Точная информация будет толь-

ко после аутопсии. Предполагаю, что перед расчленением он потерял процентов шестьдесят-семьдесят крови. Кожа бледная, нет выраженных трупных пятен, отсутствует гнилостная венозная сеть.

– Но где она? Кровь, – Грейс совершила над собой усилие и перевела взгляд с доктора Кавана на тело. Крови действительно не было, лишь небольшая лужица вязкой жидкости красно-коричневого цвета рядом с голенью на полу.

– Его убили не здесь, тело перемещали. И я полагаю, что перед тем, как сшить «куклу», он омыл каждую его часть. Работа неаккуратная, скорее всего он пользовался ручной пилой или лобзиком – края ран рваные. Медицинские инструменты работают совсем иначе. Явных следов ДНК убийцы на теле не обнаружено. Скорее всего нам и не удастся ничего найти, как я уже говорила: тело омыли. Остальное станет ясно только после экспертизы.

Грейс сделала несколько заметок в голове: тот, кого им предстоит поймать, скорее всего, не имеет отношения к медицине, им необходимо поговорить с владельцем мотеля и попросить Арчи Моргана изъять с места все строительные инструменты. Келлер заметила, что по узкой раскисшей дороге поверх брезента протискивался фургон для транспортировки тел с эмблемой криминалистической лаборатории. Водитель пытался подъехать так близко, как это было возможно, но вскоре машина остановилась, чтобы не застрять. Из кузова вышли крепкие парни и выкатили носилки.

– Уже забираете? – Джеймс нахмурился.

– Мне нужно работать, детективы, – доктор Кавана сняла перчатки, свернула их и выбросила в пакет для отходов. – Парни, работайте аккуратно. Не повредите ничего. Отвечать будете передо мной, – она наклонилась и закрыла свой чемодан с инструментами, а затем, разогнувшись, усмехнулась. – Есть кое-что любопытное, – самодовольно сказала она, словно ждала этого момента больше всего на свете. – Если я права, перед нами части не одного тела. Их как минимум два. Взгляните на голень, – она подвела Келлер и Нортвуда ближе. – Жесткие черные волосы, тогда как на другой они светлые и едва заметные, другая мышечная структура. Парень – спортсмен, это сразу видно по его телосложению. В отделившейся голени совсем иной процент жира, рыхлая костная ткань, я бы сказала, что ее обладатель явно был старше не на один десяток лет, тяжелее фунтов на восемьдесят и вел малоподвижный образ жизни. Конечно, это пока всего лишь предположения, но я уверена, что они не беспочвенные. Я проведу вскрытие к утру, жду вас не позже часа дня. После трех меня не будет в офисе, я преподаю в университете. – Она взялась за ручку металлического чемодана и подняла его так, словно он совсем ничего не весил. – Увидимся, – неопределенно махнув рукой, доктор Кавана развернулась и направилась к машине.

Нити, которыми убийца сшил части тела между собой, сильно натянулись из-за собственного веса жертвы, в проре-

хе между отделенной головой и шеей, над кадыком, можно было различить трахею и пищевод.

– Какого черта... – за спиной Грейс услышала Джеймса. Нортвуд достал пару перчаток из коробки, подошел почти вплотную к телу и приподнял голову за подбородок. Канаты угрожающе скрипнули, казалось, «кукла» может рухнуть вниз в любую минуту. – Это косметика?

Деталь, бросившаяся в глаза, когда Джеймс об этом заговорил, теперь казалась такой очевидной, что Келлер почувствовала себя идиоткой. Неумелый макияж, нанесенный по-смертно, походил на потрескавшуюся кукольную маску: розоватый тон кожи, заметно отличающийся от всего остального тела, и яркий румянец на щеках. Под слоем косметики лицо парня распухло. Сильный отек превратил глаза в узкие щели. Правая скула ввалилась, раздробленная кость приняла под кожей неестественное положение.

– Нужно сообщить Генри. Думаю, он захочет поработать над этим делом.

В низком небе сверкнула молния, а затем раздался оглушительный грохот. Пол под ногами завибрировал. Полил дождь.

Один из криминалистов забрался на строительные леса, используя складную лестницу. Рассохшаяся древесина под его весом гудела и поскрипывала. Он пытался сообразить, как лучше обрезать веревки, за которые жертву подвесили, чтобы тело не рухнуло на землю или не рассыпалось на ча-

сти. Его коллега приготовился страховать снизу.

Детективов ждала бессонная ночь: завершить осмотр места преступления, допросить мужчину, обнаружившего тело, подготовить отчет о проделанной работе и зачитать его на утреннем брифинге. Утром им предстояло съездить в лабораторию, а после попытаться вовлечь профайлера Генри Уайтхолла в дело. После переезда в Сиэтл у Генри почти не было свободного времени. С начала учебного года он преподавал профилирование и поведенческий анализ в полицейской академии Вашингтона и писал книгу о типировании серийных убийц, основываясь на Калебе Сент-Джозефе, «Вашингтонских псах», Алане Траске и не найденном маньяке из штата Род-Айленд, над поимкой которого Генри работал в команде своего наставника из ФБР.

– Езжай в участок, Грейс. – Когда криминалисты уложили тело парня на носилки и закрыли черный пластиковый мешок, Джеймс подошел к Келлер и, сняв перчатки, коснулся ее запястья. – Ты вся продрогла. И если ты заболеешь, один я с этим дерьмом не справлюсь. Позвони Нелл или лейтенанту розыскного отдела, узнай, есть ли свежие заявления об исчезновении парней. Я сам здесь закончу. И не спорь, пожалуйста.

– Я и не собиралась, – Грейс улыбнулась и, прежде чем пойти к выходу, добавила: – Будь осторожен. Скажи Моргану, что мне нужны фотографии тела. Немедленно. И уточни, есть ли какие-то перспективные улики, или об этом можно

забыть.

Глава четвертая

Оказавшись в полицейской академии Сиэтла впервые после выпускного, Грейс чувствовала себя странно. Светлая ностальгическая грусть смешивалась с нежеланием проживать этот период жизни снова и со страхом, который она испытывала каждый раз, когда видела своего инструктора – отвратительного женоненавистника и сноба, державшего ее в состоянии перманентного стресса несколько лет.

Нортвуд проходил подготовку в Северной Дакоте и не мог разделить ее чувств. Когда она училась здесь, основы поведенческого анализа вел старый, уставший профессор, который терпеть не мог, когда ему задавали вопросы. «Не глупите, мисс Келлер, вам не пристало вести себя, как дурочка», – отвечал он каждый раз, когда Грейс не понимала или хотела углубиться в тему.

И поэтому лекция Генри привела ее в восторг. Живое взаимодействие со студентами, никакой надменности, шутки и лексика, понятная молодым людям. Келлер смотрела на воодушевленные лица будущих коллег и даже слегка им завидовала. Они, кажется, не до конца понимали, какое это счастье – заполучить в преподаватели профайлера ФБР Генри Уайтхолла.

Детективы застали самый конец лекции, когда Генри проводил мозговой штурм по ее итогам. Они тихо зашли в ауди-

торию и сели на последнем ряду. Генри перевел взгляд и сдержанно улыбнулся, давая понять, что заметил их, но не стал акцентировать на этом внимание, чтобы не сбивать студентов с мысли.

– Профессор Уайтхолл, сэр, можно задать вопрос, касающийся вашего опыта в работе над делом «Вашингтонских псов»?

– Задавайте, мисс Эванс. – Генри сел за стол и сделал глоток воды.

– Чем обусловлены сексуальные перверсии Брюэра, Голдберга и остальных? Вы говорили, что часто они становятся следствием детских травм, но я изучила всю доступную информацию, опубликованную в интернете, и не обнаружила ничего похожего в их случае. Кажется, у них было вполне счастливое детство.

– Когда в детстве вы сталкивались с чем-то недоступным вашему пониманию, с чем-то болезненным, когда вам было плохо, с кем вы разговаривали?

– В большинстве случаев с мамой. Иногда с папой или с кем-то из других значимых взрослых.

– Дети не умеют справляться с болью самостоятельно. Ни с физической, ни, тем более, с ментальной. Когда ребенку больно, но не с кем поделиться этим, он разрывает связь с самим собой. А когда это происходит, он теряет себя. Говоря о травме, мы подразумеваем, что с человеком произошло нечто ужасное: физическое, психологическое или сек-

суализированное насилие, деструктивная семья с зависимостями, холодная, избегающая мать. Но понятие травмы гораздо шире, чем нам представляется. Иногда, чтобы получить травму, необязательно проходить через что-то плохое. Дети травмируются не потому, что им больно, они травмируются, потому что остаются с болью наедине. Для ребенка травма – это неизвестная пугающая угроза, с которой тяжело справиться без поддержки от значимого взрослого. Ребенок травмируется, когда ему причиняет боль тот, кто должен был защищать. По своей сути травма – это не то плохое, что с вами случилось. Это то, что происходит внутри вас, в результате тех или иных событий. Все можно исправить, если родители заинтересованы в этом. Поддержка, психотерапия... Не все травмированные дети становятся серийными убийцами. И не все серийные убийцы были травмированы в детстве. Может быть, вам известен Рочестерский душитель? Артур Шоукросс. По одной из версий у него было прекрасное детство. Любящая мать, комфортная безбедная среда для взросления, но, как выяснилось позже, в детстве он подвергался насилию со стороны матери и тети. Дело «Вашингтонских псов» еще слишком «молодое», чтобы делать выводы. Четверо из пяти преступников мертвы, с Томасом Гамильтоном сейчас работают психиатры и мои коллеги из ФБР, исследуя причины. Я говорил вам, что собираю информацию о них через родственников и друзей для книги. И не сказал бы, что это просто. К тому же, как я уже однажды го-

ворил одному из детективов во время расследования, – Генри взглянул на Джеймса. – В какой-то момент люди, у которых есть больше, чем мы можем себе представить, перестают испытывать удовольствие от власти, от социально-примлемых отношений, от алкоголя, доступных женщин, новых машин, часов. Тогда и проявляются девиации. Любые, к которым человек был предрасположен. Запрещенные вещества, насилие, опасные развлечения... сексуальные перверсии. Возможно, что-то всплывет в будущем, как это было с Шоукроссом. Но, если быть честным, я в этом сомневаюсь.

– Профессор, скажите, – нетерпеливо заговорила другая студентка, дав понять, что личность Генри интересна ей гораздо больше, чем его научные изыскания, которые могли бы помочь будущим полицейским и профайлерам ловить преступников. – Ваша книга. Это будет автобиография или скорее научное исследование?

– Я бы сказал, что это будет учебная литература, – помолчав, Генри улыбнулся и добавил задумчивое: – Отчасти. Я надеюсь. Смотря к чему мы придем с моим агентом и издателем.

Грейс выразительно посмотрела на Генри и похлопала себя по запястью. Часов на ее руке не было, но Уайтхолл понял, о чем она.

– Если у вас все, предлагаю на этом закончить. Насколько я понимаю, детективы, с которыми мы работали над делом «Вашингтонских псов», снова хотят втянуть меня в ре-

зонансное расследование. – Уайтхолл указал на задний ряд, туда, где сидели Нортвуд и Келлер, и любопытные взгляды тут же обратились к ним, что позволило Генри беспрепятственно собрать вещи и подняться по ступенькам к выходу.

Студенты стали перешептываться. Келлер несколько раз выступала на пресс-конференциях, конечно, многие ее узнали. Кто-то даже спросил, не берет ли она стажеров. Грейс избавила себя от ответа, извинившись и выскользнув из аудитории прежде, чем будущие полицейские облепили ее со всех сторон.

– Напоминаю, что на следующем занятии у нас тест. Я жду, что вы подготовитесь, – громко сказал Генри, стоя у выхода, и закрыл дверь.

– Ты так хорош в этом, – усмехнулся Джеймс, протянув ладонь для рукопожатия.

– В чем, Нортвуд? – Генри нахмурился, пожал ему руку и, не разрывая зрительного контакта с детективом, приобнял Грейс за плечи.

– В самолюбовании.

– Пошел ты, – он покачал головой и рассмеялся. – Введите меня в курс дела. Пока все, что сказала Грейс по телефону, звучит, как сценарий чертовски плохого фильма. Инсталляции на месте преступления, о которых обычно пишут книги, очень далеки от реальности.

– И все же, это правда. С установлением личности парня пообещала помочь Нелл Хоппер из отдела расследований.

Доктор Мэри Кавана направила ей фотографии, по которым тело можно опознать. У Хоппер есть несколько заявлений о пропаже, подходящих под наш профиль. На этом пока все... Тебя не было на месте обнаружения тела, и я хочу, чтобы ты взглянул на него и послушал доктора Кавана, — когда они подошли к машине на парковке, Грейс остановилась и развернулась к Генри. — Чувствую, расследование будет непростым и потребует от тебя больше участия, чем обычно. Кажется, это какой-то другой уровень. У меня ноль идей и предположений. И это не официальный запрос в ФБР. Моя личная просьба. Если ты хочешь отказаться, сейчас самое время об этом сказать.

— Так, мы едем или нет? — Генри перевел взгляд с Грейс на Джеймса и обратно. Он подмигнул и потянул за ручку на дверце автомобиля.

* * *

К лифту в криминалистической лаборатории они шли в полном молчании. Двадцать секунд, проведенных в кабине, пока лифт плавно скользил вверх с первого этажа на шестой, показались им вечностью.

В фойе детективов встретил Арчи Морган. Грейс крепко его обняла. Их отношения никогда не выходили за рамки деловых, но Келлер была рада видеть Моргана, возможно, потому что он был другом Скотта Хэмптона.

– Вау, – он рассеянно улыбнулся и похлопал ее по спине.

– Привет. – Грейс отступила на шаг и поджала губы. –

Прости. Я рада тебя видеть. Есть что-то для нас?

– Не хочу обнадеживать, Грейс. Мы изъяли несколько окурков, стаканчик из-под кофе, строительные инструменты. Все было покрыто слоем грязи, так что я сомневаюсь в их пригодности для расследования.

– Может быть, следы обуви?

– Нет. Ничего. Скорее всего, убийца ушел до дождя. А после вода все смыла. Я пришлю отчет и буду держать тебя в курсе, если что-то выяснится.

– Спасибо, Арчи.

Доктор Кавана вышла из кабинета, когда за Арчи Морганом закрылись створки лифта, и повела детективов в прозекторскую.

– Сумасшедшая выдалась ночь, – не оборачиваясь, сказала Мэри. Она выглядела слишком энергичной для человека, до утра простоявшего за секционным столом. Детективы и профайлер едва поспевали за ее шагом.

Прозекторская была наполнена светом. Он лился внутрь из окон, с потолка – отовсюду. Отсутствовал неприятный запах. Посреди помещения стояло два стальных стола. На одном лежали парень, накрытый белой тканью по грудь, на другом только голень.

– Так, давайте пробежимся по основным моментам, подробности будут в отчете. Токсикология и все остальное

только завтра, если лаборанты хорошо поработают. Я и так потратила слишком много личного времени, чтобы убедить их извлечь код из ДНК для опознания немедленно, вне очереди. – Доктор Кавана подошла к столу, сложила покрывало в несколько раз и убрала его в сторону. – Сразу скажу, что костюм на нем был самодельный, сшитый из ветоши, которая практически рассыпалась в руках, когда мы срезали ткань с тела. Нет смысла тратить время на опрос владельцев карнавальных магазинов. Бита без эмблемы или гравировки, старая, деревянная. Такую можно найти в гараже или в подвале у кого угодно.

Обнаженный парень на столе показался Грейс совсем мальчишкой. Он не был хрупким, тонкокостным или тощим. Он был в хорошей физической форме: широкие плечи, мощные, сильные ноги, рельефный, сухой торс. Такой парень мог бы дать отпор. Его смерть, очевидные пытки и издевательства, наталкивали сразу на несколько мыслей: он знал своего убийцу; убийца оказался крупнее и сильнее; его чем-то накачали. Грейс не могла ухватиться ни за одну из них – не хватало деталей.

– Это, пожалуй, самый сложный случай из всех, с какими я работала.

– Что это значит? – Джеймс нахмурился и подошел ближе.

– Я предположила на осмотре, а после аутопсии могу сказать точно: он умер в результате острой кровопотери. – Она достала фотографии сердца жертвы и разложила их на сво-

бодном участке секционного стола. – Пятна Минакова – полосовидные кровоизлияния под эндокардом левого желудочка сердца. Появляются при экстремальной кровопотере. Если бы не она, можно было бы предположить, что смерть наступила в результате множественных травм головы, каждая из которых усиливала предыдущую. Я хочу сказать, что, если бы не рассечение бедренной артерии, смерть все равно наступила бы через несколько часов после оскольчатого перелома скуловой кости и обширной гематомы между твердой и мягкой оболочкой головного мозга, – Кавана выглядела озадаченной и слегка взбудораженной. – Меня удивило наличие непереваренных фрагментов еды в желудке. Кормили жертву, скорее всего, насильно. Об этом говорят трещины и сколы на резцах. При вскрытии я обнаружила многочисленные переломы и трещины ребер. Внутри он выглядит, как после серьезной аварии, грудная клетка проседала при надавливании, когда я работала циркулярной пилой. Такие травмы можно причинить только в случае, если убийца был в жесткой обуви. И подтверждение этому есть, – доктор Кавана привлекла внимание детективов к гематомам на теле в форме отпечатка подошвы. – С этим можно поработать, но я бы не стала сильно надеяться.

– Все это выглядит так паршиво, и его лицо... Понятия не имею, как проводить опознание – близким будет непросто, – Джеймс растер ладонью грудь, словно пытаюсь унять боль, взглянул на Грейс и сглотнул.

– Следы сексуализированного насилия? – уточнил Генри, стараясь держаться подальше от тела.

– Не установлено. Следов ДНК преступника на теле жертвы найти не удалось. Кроме того, я могу сказать, что человек, которого вам предстоит найти, в хорошей физической форме. Пилить кости вручную не просто, даже мне, хотя я занимаюсь этим уже почти двадцать лет. Причиной смерти стала резаная рана на внутренней части бедра. Края четкие. Предполагаю, что это был нож с коротким лезвием, достаточно острый, потому что края раны ровные. Смерть наступила около сорока часов назад. Тело минимально подверглось аутолизу.

– На месте преступления вы предположили, что ступня принадлежит ему, а голень – нет. Это удалось подтвердить? – Джеймс сложил руки на груди и нахмурился.

Доктор Кавана снисходительно ему улыбнулась и произнесла только:

– Не сомневайтесь, детектив.

Грейс показалось при первой встрече, что работать с Кавана будет непросто, а теперь она в этом убедилась. Келлер не хотела ее дружбы или приятельства. Все, что ей было нужно: чтобы судмедэксперт хорошо делала свою работу и вовремя сдавала отчеты.

Джеймс был прав, парень выглядел ужасно. Она уже сталкивалась с расчленением и с частичной ампутацией, но, если исключить Калеба Сент-Джозефа, в основном преступники

делали это ради более удобной транспортировки тела, или в попытках от него избавиться. В голову лезли четкие ассоциации с разделанной тушей мясного животного или птицы. Сейчас расчленение выглядело, как игра, в которую им предлагал сыграть убийца, и у них не было возможности отказать или перевести игру на свое поле. Они не знали правил, не могли представить, каким будет его следующий ход.

Доктор Кавана накрыла тело неизвестного тканью и подошла к другому столу.

– Видите что-то необычное?

– Кожный покров выглядит так, словно... Эти лиловые следы на коже, это ведь не трупные пятна? – уточнил Джеймс.

– Нет.

– И не гематомы?

– Снова нет, – с самодовольной, торжествующей улыбкой Кавана покачала головой.

– Тогда я могу предположить, что это выглядит, как обморожение. Я пару раз видел такое.

– Верно. Думаю, я не ошибусь, если скажу, что эта часть тела была заморожена.

– Что это значит?

– Это значит, что тело после убийства, когда бы оно ни произошло, хранили в морозильной камере или где угодно еще с постоянной минусовой температурой.

– Вам удалось выяснить, как долго голень пролежала в мо-

розильной камере?

– Нет. К сожалению, это невозможно.

– Черт, – Джеймс поджал губы. – Значит, нам не удастся выяснить, когда произошло убийство, если оно произошло, или ампутация?

– Боюсь, что нет.

– Как скоро лаборатория предоставит ДНК?

– Они уже работают над этим. Жертва с лицом была в приоритете.

– Хорошо, сколько времени пройдет, прежде чем мы получим какие-то сведения по второму мужчине, если он вообще есть в базе? – Келлер чувствовала, что начала раздражаться. Сейчас она ощущала острую тоску по комфортной работе с доктором Хэмптоном. «Черт бы побрал твою стажировку, Скотт», – думала она, стараясь ровнее дышать.

– Существует определенный алгоритм, детектив Келлер, вы должны знать. Когда мы получим геномный код из ДНК голени жертвы, его прогонят по базе. Сначала Дюваль, там, где тело нашли, затем округ Кинг, затем штат Вашингтон и только после этого вся остальная страна. Это займет время.

– Сколько?

– Я дам вам знать, когда получу всю информацию по образцам и отправлю в управление полиции.

– Спасибо, доктор Кавана, прекрасная работа, – практически сквозь зубы сказала Грейс, и стала на ходу снимать с себя одноразовый халат и перчатки. – Я буду ждать отчет.

– Почему ты ее не поправила? – спросил Джеймс, когда они вышли в коридор.

– О чем это ты? – Грейс шла так быстро, почти бежала, что Нортвуд и Уайтхолл едва за ней поспевали.

– Она назвала тебя «детектив Келлер», не «сержант Келлер».

– Тебе стоило ее поправить, – согласился Генри, и, если бы Грейс не была взбешена, она бы даже порадовалась, что они в чем-то согласны друг с другом.

– Послушайте, парни, – Келлер резко остановилась и развернулась к ним. – Почему бы вам обоим не заткнуться?

Грейс была уверена, что доктор Кавана не хотела ее задеть. Просто так вышло. И все потому, что с тех пор, как Келлер получила повышение, она постоянно сомневалась в том, что заслужила это. Несколько ее коллег старшего возраста из отдела убийств пусть и не расследовали резонансные дела в последнее время, но точно лучше справились бы с документацией и административной работой. Теперь она была посредником между ними и лейтенантом, и со всеми мелкими вопросами они, пересилив себя, обращались к ней. Возможно, потому что она женщина, или потому что они все еще помнили стажера Грейс Келлер, которая в конце дня запиралась в туалете и плакала от усталости и от того, что все ее представления о работе в полиции оказались глупыми романтизированными мечтами девчонки, считавшей своего

отца-копа героем. Грейс боялась, что в конце концов потеряет себя, что ответственность, опустившаяся на плечи тяжестью целой планеты, убьет в ней страсть к работе, а затем ее похоронят под кипой отчетов в маленьком, пропыленном кабинете.

Она собиралась сказать что-то еще, но в кармане джинсов завибрировал телефон. Звонил лейтенант Маккуин.

– Слушаю, сэр.

Говорил в основном Майкл, Грейс только кивала, словно он мог ее видеть, и вставляла «угу» и «да, сэр».

– Нам нужно возвращаться в участок. Они установили личность парня. Хью Уоррен, девятнадцать лет, старшеклассник, пропавший несколько недель назад.

* * *

В кабинет лейтенанта Маккуина Грейс вошла одна, без стука. В кресле для посетителей со скучающим видом сидела Нелл Хоппер, она улыбнулась Грейс, когда та подошла ближе и едва заметным жестом сжала ее плечо. Майкл посмотрел на них поверх монитора ноутбука и усмехнулся. На столе у него было не прибрано: переполненная пепельница, коробка с наполовину съеденным сэндвичем, документы, чашка с недопитым кофе вся в подтеках. Стационарный телефон разрывался от звонков. Маккуин поднял трубку и тут же нажал на рычаг, прервав вызов, а потом положил ее на стол,

чтобы им не мешали. Он выглядел уставшим по обыкновению, но глаза лихорадочно блестели.

– Капитан с самого утра обрывает мне телефон. – Он провел ладонью по коротким курчавым волосам с проседью и сжал пальцы в кулаки. – Он ждет подробностей. Но я уже передал ему все, что нам известно.

– Доктор Кавана обещала прислать отчет о вскрытии в течение дня. Я сообщу вам.

– Спасибо, Келлер, – он помолчал, смотря ей в глаза, и спросил: – Собрала команду?

– Да. Детектив Нортвуд, Нейт Портман, Натали Мартинес, Кристофер Хауэлл и Нелл. Я думаю, нам придется работать в тесной связке с отделом расследований.

– Что ты имеешь в виду, Келлер?

– Если я что-то и усвоила за все время работы детективом убийного, так это то, что *такие* убийства – всегда часть серии. И я думаю, что люди будут пропадать. Мне нужна детектив Хоппер. И Генри Уайтхолл.

Маккуин кивнул, сделал глоток кофе и поморщился.

– Дело первостепенной важности. Ты можешь использовать все ресурсы, какие тебе только понадобятся. Что насчет голени, которая не принадлежит Хью Уоррену?

– Мы над этим работаем. Ждем новостей из лаборатории.

– Нелл, – лейтенант посмотрел на Хоппер. – Свяжись с мистером и миссис Уоррен и привези их в участок. Нужно опросить их и попробовать провести опознание сегодня.

Нелл оставила у него на столе папку с делом Хью Уоррена и вышла из кабинета, не задавая лишних вопросов.

– Что ты думаешь, Келлер?

– Не знаю. Пока я в замешательстве. Может быть, что-то прояснится, когда мы выясним личность второй жертвы. Доктор Кавана считает, что неизвестный мужчина мертв уже как минимум несколько месяцев, что тело, или какие-то его части лежали в морозильной камере, – Грейс закусил губу и застыла. Что, если он не мертв? Что, если убийца ампутировал ему конечность и оставил в живых? Безумная версия, но ей казалось, что она имела право на существование. Стоило поделиться этим с Генри и Джеймсом.

– Ладно. Держи меня в курсе, Грейс.

Келлер кивнула, поднялась с кресла и подошла к выходу. Взявшись за дверную ручку, она задержалась на несколько секунд и повернулась к лейтенанту.

– Знаете, сэр, в следующий раз, когда я буду в отпуске, я не стану брать трубку, если увижу, что звоните вы.

– Следующего раза не будет, Келлер, – он рассмеялся, и Грейс уловила в его смехе легкую грусть.

– И что это значит?

– Я ухожу.

Глаза против ее воли наполнились слезами, словно она внезапно услышала о смерти близкого человека. Майкл Маккуин понравился ей с первой минуты знакомства, Грейс бессознательно старалась сделать все, чтобы получить его одоб-

рение. Он никогда не относился к ней снисходительно, по его мнению, она заслуживала такого же отношения, как и все остальные – за это Грейс была ему благодарна. Поначалу он был единственным человеком в управлении, который воспринимал ее всерьез. Но иногда Грейс замечала, что Майкл все же проявлял к ней больший интерес и заботу, чем к остальным подчиненным, а его взгляд... временами Майкл смотрел на нее, как отец, когда особенно ею гордился.

– Вы здоровы? – не справившись с дрожью в голосе, спросила Грейс. В последнее время она стала замечать, что Майкл начал сдавать. Он постарел, осунулся, на лице прибавилось морщин, а в волосах седины.

– Не вздумай плакать, Келлер, я в полном порядке, – он закурил и улыбнулся ей. – Мы с Хелен расписались в прошлом месяце. И теперь планируем перебраться во Флориду, у нее там дочь, внуки. Просто я решил, что пора, наконец, выйти на пенсию. Устал, – Майкл откинулся на спинку сиденья и взглянул на Грейс. – Да... Это мое последнее дело, и по нему меня запомнят. Так что, не подведи меня, девочка.

Глава пятая

Мистер и миссис Уоррен сидели на диване в кабинете детективов. Грейс наблюдала за ними из окна уже довольно давно, она ждала момента, когда Ванесса Уоррен успокоится и придет в себя после опознания. Миссис Уоррен безвольно опустила руки, ее тонкая футболка с длинным рукавом намочла от пота и воды, которой Ванессу пытались напоить. Светло-каштановые волосы склеились на висках от влаги, отдельные волоски налипли на взмокший лоб и щеки. Она словно пережила лихорадку. Грейс захотелось подойти к ней, убрать волосы с лица и вытереть лоб салфеткой. Она все не могла понять, почему мистер Уоррен до сих пор этого не сделал. Голову миссис Уоррен уронила на высокую спинку дивана, она покачивала ею из стороны в сторону, как безумная, открывала рот, словно хотела что-то сказать, но с тех пор, как ее завели в кабинет, не проронила ни слова. Из ее глаз, не переставая, текли слезы. В какой-то момент она перестала смахивать их с лица. Грейс видела, как слезы скатывались по ее шее под горловину футболки. Казалось, что из ее тела удалили кости: она обмякла и расплзлась по дивану, как медуза, которую выбросило на песок. Навскидку Ванесса носила двадцать второй⁴ размер одежды – тощему

⁴ Американский женский размер одежды 22 соответствует 60–62 российскому размеру.

Тревису Уоррену пришлось сдвинуть колени, чтобы поместиться рядом с женой. Тревис держался лучше, чем Ванесса. Его взгляд был пуст, незряч. Он подпирал подбородок рукой, смотрел перед собой, почти не моргая, и громко вздыхал.

До Грейс наконец-то дошло, что ее так сильно смущало с самого начала: родители Хью держались друг с другом, как чужие люди. Ей приходилось встречаться с родителями жертв едва ли не каждый день, и эти встречи всегда проходили по-разному. За все время, что она проработала в полиции, Келлер научилась чувствовать людей, предугадывать их реакции. Она понимала, когда у них были проблемы в отношениях. Мистер и миссис Уоррен видимо проходили через не самый простой период, их брак, казалось, разваливался на глазах. И все это началось задолго до того, как похитили и убили их сына.

– Мистер Уоррен, – Джеймс не выдержал первым. Он взял стул за спинку, поставил его напротив дивана и сел, опустив локти на бедра. – Я понимаю, что за последнее время вы могли устать от вопросов полиции. Но нам придется поговорить. И чем раньше мы получим ответы, тем скорее поймем того, кто сделал это с Хью. Я изучил ваши показания, но мне бы хотелось прояснить несколько деталей, – Джей говорил медленно и тихо, в его обволакивающем, с едва заметной надсадностью, голосе отчетливо звучало сочувствие.

Грейс нравилось, как работал Джеймс, нравилось видеть,

как сильно изменило его дело «Вашингтонских псов». Когда они встретились впервые после похорон Мэдди, Келлер решила, что потеряла его навсегда. Джеймс мало походил на себя прежнего, а после возвращения к работе его нестабильное эмоциональное состояние только мешало. Он срывал допросы, вел себя агрессивно и опрометчиво. Но самоубийство Алана Траска и их разговор в машине после прощания с бывшим военным командиром Джеймса что-то изменило в нем. Отношения между ними, вышедшие за рамки партнерских, снова сделали его тем мужчиной, которого Грейс впервые увидела в управлении прошлой осенью и в которого с самого начала была немного влюблена, даже если сама этого не понимала.

– Вы готовы со мной поговорить?

Мистер Уоррен встрепнулся, громко втянул воздух через нос, потер лицо ладонями и уставился на Джеймса так, словно впервые его увидел, очнулся от долгого мучительного сна и осознал, где находится.

– Да, – Тревис кивнул и украдкой взглянул на жену, проверяя, не хочет ли она избавить его от участи говорить с детективами.

– Хорошо, – прокашлявшись, Джеймс сделал глоток воды из бутылки, которую до этого вертел в руках, и, недолго помолчав, спросил. – Можете рассказать, чем вы занимались первого августа, в день, когда пропал ваш сын?

– Была пятница. Я вернулся с работы... – он всплеснул

руками и покачал головой. – Послушайте... – он прищурился, всматриваясь в лицо Джеймса, в попытке вспомнить, как его зовут.

– Детектив Нортвуд, – подсказал Генри, наблюдавший за разговором, сидя за столом Грейс. Он просматривал базу данных ФБР, надеясь отыскать схожее убийство. Но стоило признать, что, если бы в прошлом случилось нечто подобное, он знал бы об этом. Такие убийства не уходят в архив неизвестными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.